

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ЭСХАТОЛОГИИ МАТФЕЯ

Особое внимание в библеистике привлекает логия Христа в Матф.10:23: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий». Представляется, что второе пришествие здесь обещано в самое ближайшее время, во время самой проповеди апостолов в Израиле. В этом аспекте начинает предполагаться и рассмотрение известных синоптических логий о том, что некоторые из апостолов не вкусят смерти, как увидят пришествие Царства (Лук.9:27; Мар.9:1; Матф.16:28). Всё это в свою очередь далее обосновывает самое раннее происхождение Ев. Матфея, когда первые христиане ждали второго пришествия буквально даже и в первое десятилетие и это ожидание проявилось таким образом в текстах Евангелия, обосновывая его самым ранним. Ведь надежды не сбылись, а вычеркнуть написанное некогда было попросту невозможно. Однако аргументируем, что всё это никакого отношения к самой ранней традицией не имеет вообще. И эти моменты интересно рассмотреть как с точки зрения библеистики формирования и взаимовлияния синоптических текстов, а также с позиции развития самих представлений о втором пришествии, когда авторы этих текстов находятся на своём этапе развития представления, отличного от нашего, и через призму чего и могут рождаться самые ошибочные выводы. Базовая логия же при этом содержит массу нюансов использования, которые в свою очередь способны открыть интересные грани мышления евангелиста, истории происхождения, что и способно расширить и таким образом и прояснить картину обстоятельств её появления.

Итак. Вся десятая глава Матфея – представляет некое сокровенное учение, открытое Иисусом непосредственно только самим апостолам. Начинается оно избранием двенадцати, передачи им сверхъестественного дара духовной власти, миссионерской подготовки и особого личного наставления. Тематика эта отражена во всех «синоптиках», но здесь, у Матфея она с точки зрения библеистики имеет свои особенности. У Марка и Луки Иисус ясно и недвусмысленно отправляет апостолов на первое локальное миссионерское задание, при этом наставление у Марка и Луки – предельно практичны (Мар.6:7 ... Лук.9:1 ...). У Матфея же наставление носит некий программный характер установки верного курса. В этом наставлении обозначена фактически программа событий миссии будущего, с представлением апостолов неким правителям и царям, с судилищами над свидетелями, что никак не согласуется ни с какой локальной миссией, но лишь с грядущими событиями (Матф.10:17-20). А интересующая же нас логия, с точки зрения конкретного практического миссионерского наставления, да и в ракурсе раскрытия учения о втором пришествии – здесь бессмысленна вообще. И вот почему.

Откровение о том, что миссия Иисуса не предполагает скорого установления лично им самим нового царства, но предполагает именно смерть Иисуса, в хронологии событий Матфея произойдёт только в будущем. И это будет там действительно невиданной новостью. Так, только в 16 главе мы находим, что «с того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников». И что вызвало бурную негативную реакцию Петра, так как ничего подобного о таком окончании первой миссии Пётр в хронологии событий до этого логично не слышал вообще. И именно сразу после этого, в этой же 16 главе и повествуется органично о «пришествии Сын Человеческого во славе Отца Своего с Ангелами Своими» (Матф.16:27). И далее, уже в Галилее Иисус чётко и однозначно доносит апостолам о том, как именно завершится земная миссия (Матф.17:22).

Как известно, можно выделить и тему пояснения окончания первой миссии и обоснования миссии второй с её вторым пришествием, т.е. зарождения учения о пришествии втором. Как и на каком этапе это учение вообще появилось? В 16 и 17 главах эта тема развивается у Матфея естественно и органично. Но вот в 10 главе она явно преждевременна. Ведь живой Иисус говорит о каком-то скором пришествии ещё кого-то ничего не открыв о своей смерти и это вообще не вызывает никаких реакций у апостолов. И у читателей кстати также, так как читатели считают учение самим собой разумеющимся.

Например, у евангелиста Луки тема имеет специфическое и непростое раскрытие. Так, в Лук.9:22 впервые звучит наставление об отвержении и казни. Это происходит

немного позже первого миссионерства, но только без возмущения Петра. Фактически сразу же провозглашается и о грядущем втором пришествии Сына Человеческого. И предупреждение о смерти в таком случае призвано по логике евангелиста не допустить смысловой конфликт. Однако тут же в Лук.9:45 сообщается, что апостолы о смерти и воскресении ничего не поняли и боялись расспросить, однако при этом и весть о втором пришествии аналогично 10 главе Матфея недоумение никак не вызвала (или же опять боялись). Далее в Лук.18:31-34 Иисус перед вхождением в Иерусалим снова фактически говорит ученикам о своей смерти, но они согласно повествования если уже и не боятся, то ничего этого вообще никак не понимают. Далее, в Лук.19:11, Иисус уже и притчей наставляет, что он как «некоторый человек высокого рода» отправится «в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться», так как ученики всё ещё и ещё ошибочно думали «что скоро должно открыться Царствие Божие» и естественно самим Иисусом, «ибо Он был близ Иерусалима». А после казни некоторые из последователей всё ещё ошибочно «надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Лук.24:21), не до конца понимая, что первая миссия завершается именно так, но грядёт и обязательная миссия вторая. В этой хронологии Лука и решает вопрос возникновения учения о втором пришествии, когда учение как бы уже существовало, а понимание конца первой миссии – почему-то всё ещё нет. Так или иначе картина имеет свою последовательность развития и из неё «выбиваются» разве что притчи, которые целенаправленно должны подготовить слушателя ко второму и совсем не такому скорому пришествию, однако до того как апостолы вообще ещё поняли, что пришествий на самом деле будет два.

Матфей также старается придерживаться канвы последовательности понимания, правда не без исключений, и фундаментальным выходом из этой канвы и предоставляется сама эта 10 глава. Также обнаруживается и несоответствие следующего характера. Так в (Матф.24:14) утверждается о свидетельстве «Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам и тогда придет конец», что предполагает совершенно иную временную перспективу эсхатологии, совершенно отличную от столь быстрой, когда сами апостолы не успевают обойти самих городов Израиля, согласно 10 гл.

Таким образом, логия Матф.10:23 достаточно кардинально выходит из хронологии развития событий и имеет внутренние противоречия в эсхатологической картине Матфея. Её же включение при этом могло обосновываться наиболее важными идейными причинами, когда требовалось пожертвовать непротиворечивостью истории. Либо включение вообще не порождало никаких противоречий у самого

евангелиста по причине иного вкладываемого им смысла. Дальнейшее рассмотрение сути того личного наставления раскрывает и другие интересные детали.

Самой первой заповедью того уникального наставления у Матфея было “ Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите ...” (Матф.10:5). Можно заметить, что здесь самаряне с их религиозной традицией приравнивались по сути к язычникам, когда основной

целью проповеди благой вести предполагались «погибшие овца дома Израилева», а проповедь апостолов должна была носить таким образом исключительно национальный характер. Говоря о гонениях в неких городах Израиля (Матф.10:23) возможно предполагалась совершенно не маленькая провинция Иудея, но города некогда Израильского царства, с рассеянными там потомками жителей некогда одного древнего славного царства. Самария, пусть даже и являлась территория пределов того царства, при этом представлена даже некой вражьей чуждой зоной, персонально вычеркнутой из миссионерского списка, несмотря на то, что сохранила религиозную традицию вопреки тем местам, в которых она давным-давно исчезла вообще. И в этом есть специфический образ мышления Матфея. Так как для Луки Самария является также целью проповеди спасения после того наставления апостолов (Лук.9:52), пусть хоть даже и при не столь успешном миссионерстве там. Самаряне при этом являются даже и примером проявления истинной любви у ближнему (Лук.10:33) И самаритянина Иисус исцеляет (Лук.17:16), выражая открытое намерение это делать. А если ориентироваться и на Ев. Иоанна, то Иисус с апостолами имеют в Самарии изначально вообще огромный успех! Там много уверовавших и личная просьба побыть у них (Иоан.4:40). Но такая открытая позиция Иисуса для Матфея чужда. А после произнесения программного наставления для читателя Иисус далее лично сам и отправляется в города апостолов, надо полагать на их историческую родину некогда Израильского царства – (Матф.11:1). И это к тому же лишь небольшой пример глобальной картины узкого национального мышления евангелиста, но который здесь важен для понимания причин появления базовой логики Матф.10:23. Ведь в ней фактически провозглашено, что миссия тех самых избранных апостолов наделённых властью и силой - города Израиля, откуда они для Матфея вероятно сами и есть и им лично необходимо сосредоточится исключительно только на этом

и это совсем не только для локальной миссии, но программа их грядущих действий. Так это заявлено в рассматриваемой 10 главе.

Следующим интересным моментом можно обозначить сам характер изложения историй избрания и миссионерства. Можно выявить следующую структуру, где Лука предлагает такие три события.

1. Избрание двенадцати (Лук.6; Мар.3; Матф.10.).
2. Призыв двенадцати на первое миссионерское задание. Практическое наставление. Возвращение апостолов с задания. (Лук.9; Мар.6; Матф.10.)
3. Избрание семидесяти и призыв их на новое миссионерское задание. Практическое наставление. Возвращение. (Лук.10, Матф.10-11)

Марк здесь изложен в идентичной структуре, кроме отсутствующего третьего пункта. Более того имеет место родственное построение текста с идентичным описанием дополнительных событий и деталей.

А вот у Матфея событие - одно. Происходит избрание двенадцати. Тут же при этом узконациональное миссионерское наставление, однако несущее эпическую программную суть верного курса. Учение излагается в ключе миссии самих апостолов, но будущего времени, будущих гонений, их будущих драматических свидетельств в ожидании скорого пришествия. Никаких локальных заданий естественно не ставится и не предполагается, так как раскрыта программа будущих действий, после чего Иисус пока сам лично в миссионерство и отправляется. Естественно, что в отличие от других синоптиков, никто из апостолов из локального миссионерства и не возвращается, так как его собственно и нет. С точки зрения структуры Матфей в десятой главе представляет собой фактически гибрид миссионерских логий Ев. Луки.

Таким образом, технически, либо Марк представляет обработанный вариант Луки, либо Лука – изменённый вариант Марка. При этом Матфей стоит особняком относительно построения истории избрания и миссионерства Марка-Луки. В аспекте современного распространённого представления о взаимном заимствовании материалов синоптических Евангелий - Матфей заимствует материал у Марка. Однако исходя из специфики построения историй имеет более оснований считать, что евангелист Матфей заимствует материал именно у Луки (или же протографа евангелия). Обратная операция представляется проблематичной.

И намного более информативен здесь анализ компоновки логий и фрагментов евангелистов, когда можно оценить и причинно-следственные связи между событиями во фрагментах изложенных историй.

Для демонстрации взаимовлияния текстов воспользуемся материалами книги - «Евангельский синопсис» свящ. Алексей Емельянов.

Изложение истории первого миссионерского послания у Марка и Луки – разрывается упоминанием Ирода в связи с произошедшей ещё до самого этого миссионерства гибелью Иоанна Крестителя (Пункт. 1 – Приложение). Лука даёт самую краткую вставку (вставка между отходом и возвращением апостолов). Марк фактически объединяет историю Иоанна Крестителя по Луке и Матфею и характер упоминания как вставки у него идентичен Луке. Далее, и у Марка и у Луки следует уединение апостолов (акцентировано, что для отдыха - у Марка) и дальнейшая история чуда умножения хлебов. Матфей в этом месте также вдруг упоминает Иоанна, но тот ещё живой и интересуется миссией Иисуса. (Пункт. 2 – Приложение).

О гибели Иоанна у Матфея говорится далее в 14 главе (Марка её идентично излагает в связи с первым миссионерством). Только у Матфея история оканчивается оповещением самого Иисуса учениками погибшего Иоанна, когда после этих скорбных известий Иисус уединяется от всех и на лодке уплывает - в пустыню. Но вдруг там, в пустыне, обнаруживаются и ученики и пришедший голодный народ и перед нами разворачивается то же самое чудо умножения хлебов эпизода уединение апостолов для отдыха Ев. Марка или же Ев. Луки. Однако здесь у Матфея разрушена целостность построения истории, так как ученики оказываются откуда-то вдруг уже вместе с уединившимся Иисусом, когда это совершенно органично происходит в истории окончания их первого миссионерства (Лука и Марк). (Пункт. 3 – Приложение).

Второе миссионерство есть только у Луки. Однако идентичный эпизод укора с провозглашением горя городам Галилеи обнаруживается у Матфея в его обобщённой истории. У Луки укор произносится в присутствии семидесяти апостолов перед отправкой их на миссию, органично по смыслу в продолжении пояснения как будет плохо тем, кто не примет их миссии, на примере тех, кто противился надо полагать миссии предыдущий. У Матфея же слушатели – народ, а

Иисус – произносит укор надо полагать по поводу того, как происходило его миссионерство. (Пункт. 4 – Приложение). Следом за укором у Матфея идёт логия (назовём её) «откровения младенцам». Она идёт идентично и у Луки и Матфея. Только у Луки 70 посланников вернулись и в радости сообщили о повиновении им бесов. На что Иисус говорит им о духовной власти и главной радости быть записанным в книге жизни, после чего Он радуется в духе и говорит об этом «откровении младенцам» в присутствии семидесяти, которые этими младенцами Царства здесь же и являются.

21 В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение. 22 И, обратившись к ученикам, сказал: все предано Мне Отцем Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, [не знает] [никто], кроме Сына, и кому Сын хочет открыть. (Лук.10:21-22)

У Матфея всё это произносится тому же окружающему народу без всякой причинно-следственной связи. Так или иначе у Луки прослеживается целостность повествования (или хотя бы даже просто им выстраивается), тогда как Матфей по всей видимости лишь переносит цитату вне всякой причинно-следственной связи, так как никто у него ниоткуда не вернулся, а Иисус сказал всё это просто так:

«отраднее будет в день суда, нежели тебе. 25 В то время, продолжая речь, Иисус сказал: «славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли».

Подведём итог непростым перипетиям евангельских заимствований.

Итак, Марк предельно близок к изложению Луки с его тремя событиями. У Марка опущено второе миссионерство, зато расширена история гибели И. Крестителя, куда вошёл второй эпизод из Матфея. У Марка и Луки упоминание Ирода и смерти Иоанна идёт идентичным характером прерывания повествования второго миссионерства. Схожий характер прерывания находится и у Матфея, только Иоанн в ней ещё живой. Историю гибели Иоанна Матфей переносит вперёд и оканчивается она чудом умножения хлебов, которое было и у Марка и у Луки после первого миссионерства. У Матфея при этом нарушена целостность изложения. Марк же беря концовку истории смерти Крестителя, адаптирует её под историю окончания локального миссионерства. Самого этого локального миссионерства апостолов у Матфея – нет, есть лишь миссионерство Иисуса. Однако в нём обнаруживаются фрагменты второго миссионерства апостолов из Луки, при этом их использование не обусловлено причинно-следственными связями, они идут просто провозглашёнными логиями, но в том самом порядке как у Луки, представляя собой своеобразные «осколки» из истории Луки. Вместо демонстрации широкой проповеди семидесяти (возможен и числовой намёк на

народы) – чисто узконациональное предназначение избранных двенадцати. А по сути, вся эта картина может быть элементарно объяснена обеднением историй и логий миссионерств ев. Луки (или его протографа) в одну историю у Матфея. Именно так и именно в таком характере заимствования с возникающим нарушением причинно-следственных связей. Марк при этом представляется неким гармонизирующим «конспектом» Луки с внесением корректировок по Матфею. Матфей при этом в базовой рассматриваемой 10 главе собирает самые всевозможные логики в одну проповедь, аналогично тому, как были собраны логики при построении нагорной проповеди, что обнаруживаются также у Луки в различных местах и обстоятельствах. К тому же вся эта картина может быть дополнена и другими примерами с подобными выводами о заимствованиях, что выходят за рамки темы рассмотрения.

Возвращаясь же к главной теме необходимо подвести итоги.

За самыми яркими моментами скорого ожидания второго пришествия у Матфея не следует делать вывод об их наиболее раннем происхождении. Хоть синоптический вопрос взаимовлияния текстов не имеет однозначного разрешения, однако можно аргументировать, что Матфей не может претендовать на самое раннее происхождение, а соответственно и аутентичность эсхатологических логий Христа синоптических евангелий.

Та же самая известная история преображения (Лук.9:27; Мар.9:1; Матф.16:28) не имеет никаких проблем ранней эсхатология и внутреннего противоречия, ведь изначально предполагает смерть большинства апостолов до эсхатологических событий, когда только трое смогли увидеть то, что надлежит увидеть всем лишь после смерти. И именно характер изложение здесь у Матфея снова вносит некую путаницу и порождает вопросы.

Все евангелия имеют и свои истории развития пониманий двух пришествий. В этих историях есть как строгое соблюдение причинно-следственной связи, так наблюдаются и отклонения. И базовая рассматриваемая логия, как впрочем и вся та история наставления, выходит за рамки необходимой последовательности нового откровения о необходимости миссии второй.

Утверждение в 10 главе Ев. Матфея о скором явлении Сына Человеческого могло совершенно и не вызывать никаких конфликтов по той причине, что Матфей мог мыслить явление в рамках посещения Яхве своего народа, за которым следовали суды, наказания и смерть. Посему и апостолы у Матфея должны были спешить. Матфей прекрасно знал о событиях иудейской войны, разрушения Иерусалима и представлял это известной параллелью посещения Яхве, что в новом религиозном учении уже представилось им явлением Сына Человеческого и не последним в том

числе, и что далее продолжено им в его эсхатологических картинах. Вторым объяснением происхождения логики может быть огромное желание Матфея утвердить на века, что вторая миссия Машиаха будет обязательно связана с Израилем. Ведь в эпоху стыка веков осуществлялся поиск ответов на вопросы о сути и смысле второго пришествия, формировалось само учение, когда утверждалось, что таковое решит все нерешённые вопросы бытия человека, смерти и бессмертия в независимости от его национальности. Матфею же было просто необходимо утвердить, что важнейшей целью миссии будет всё-таки именно Израиль, ведь был изначально поставлен узконациональный программный курс. А для этого утверждения можно было пожертвовать целостностью истории, допустить возникновение конфликтов как внутри своего же текста так и с текстами других источников. Главное, невзирая ни какие новые реалии и возникающие противоречия нужно было сформировать верное прошлое и провозгласить, что апостолы - для Израиля и это они всё ждали там при своей жизни, пусть даже и ценой несбывшихся надежд.

Примечания:

[http://spinavig.s62.in.ua/about the earliest eshatology in matthew notes.pdf](http://spinavig.s62.in.ua/about_the_earliest_eshatology_in_matthew_notes.pdf)

Влад Вальберг
Март 2021